



МАРИ-МАДЛЕН
de ЛАФАЙЕТ



Принцесса Клевская
Принцесса де Монпансье



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Л29

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с французского

Дизайн обложки *Е. Фрей*

Лафайет, Мари-Мадлен, де.

Л29 Принцесса Клевская. Принцесса де Монпансье :
[сборник : перевод с французского] / Мари-Мадлен
де Лафайет. — Москва : Издательство АСТ, 2026. —
320 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-189900-4

Мари-Мадлен де Лафайет стояла у истоков психологической прозы во Франции XVII века. В романе «Принцесса Клевская» и новеллах «Принцесса де Монпансье», «Графиня Тандская» писательница умело переплетала реальность и вымысел. В центре повествования были чувства и судьбы женщин. Все три произведения были экранизированы.

«Историю Генриетты Английской» мадам де Лафайет начала писать по просьбе принцессы. В тексте нашли отражение и политика, и быт при дворе, и любовные интриги, и даже загадочная кончина принцессы Генриетты.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Перевод. Ю. Гинзбург, наследники, 2026
© Перевод. И. Кузнецова, 2026
© Перевод. Н. Световидова, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026



Принцесса де Монпансье



Предупреждение издателя

Почтение, которое мы питаем к славному имени, вынесенному в заглавие настоящей книги, и уважение к выдающимся людям, носившим его позднее, обязывают меня, представляя эту историю на суд читателей, сказать, что она не основана ни на одной из рукописей, дошедших до нас с тех времен, когда жили личности, здесь упоминаемые.

Автор ради собственного развлечения описал приключения, от начала до конца выдуманные, и счел уместным выбрать известные в нашей истории имена, а не воспользоваться вымышленными, пребывая в уверенности, что репутации мадемуазель де Монпансье не нанесет ущерба столь очевидно неправдоподобный рассказ. Если автора и не занимали подобные соображения, то я надеюсь восполнить сей недостаток своим предупреждением, которое лишь добавит сочинителю славы и будет данью почтения к упомянутым в книге покойникам, а также к живым, которым дорога их память.

* * *

Несмотря на гражданскую войну, раздиравшую Францию при Карле IX, любовь среди всеобщего смятения не позволяла о себе забыть и сеяла не меньшее смятение на своем фронте. Единственная дочь марки-

за де Мезьера, связанная родством с одной из ветвей прославленного Анжуйского рода, наследница крупного состояния и благородного имени, была обещана в жены герцогу Майенскому, младшему брату герцога де Гиза, прозванного впоследствии Меченым. Они были еще почти детьми, когда герцог де Гиз, часто встречаясь со своей будущей невесткой, обещавшей стать редкой красавицей, влюбился в нее, и она любила его в ответ. Они тщательно скрывали свою любовь, и герцог де Гиз, который в те годы еще не был так честолюбив, как в зрелости, страстно мечтал жениться на ней, но не решался объявить об этом из страха перед кардиналом Лотарингским, заменившим ему отца. Так обстояли дела, когда Бурбоны, завидуя возвышению дома Гизов и видя, какие преимущества сулит этот брак, сами решили заполучить столь выгодную невесту, сосватав ее для молодого принца де Монпансье, которого иногда называли дофином. Их настойчивость была так велика, что родственники девушки, вопреки слову, данному кардиналу де Гизу, согласились выдать племянницу за принца де Монпансье. Эта перемена крайне удивила родственников герцога де Гиза, а его самого повергла в глубокое горе — влюбленный герцог воспринял ее как величайшее оскорбление. Несмотря на все уговоры дядюшек — кардинала де Гиза и герцога Омальского, не желавших идти против обстоятельств, которые невозможно изменить, — герцог не считал нужным скрывать свой гнев даже в присутствии принца де Монпансье; ненависть, вспыхнувшая тогда между ними, угасла лишь вместе с их жизнью. Измученная опекунами мадемуазель де Мезьер, потеряв всякую надежду выйти замуж за Гиза и сознавая, сколь опасно для женской добродетели иметь деверем человека, которого желаешь в мужа, решилась подчиниться воле родни и умолила герцога

не препятствовать более ее замужеству. Она вышла за молодого принца де Монпансье, и тот вскоре увез ее в Шампиньи, в свой родовой замок, ибо Париж со дня на день должен был стать центром военных действий. Столице угрожала осада армии гугенотов под командованием принца де Конде, во второй раз поднявшего оружие против своего короля.

С ранней юности принца де Монпансье связывала прочная дружба с графом де Шабаном, и граф, хотя и был намного старше годами, так ценил уважение и доверие принца, что вопреки собственным интересам покинул партию гугенотов, не желая ни в чем быть противником столь влиятельного лица и столь дорогого для него человека. Поскольку переход в другую партию не имел никаких иных причин, кроме преданности и верности принцу, многие сочли это ловким притворством, а когда гугеноты объявили войну, подозрения насчет графа зашли столь далеко, что королева-мать Екатерина Медичи даже вознамерилась арестовать его. Однако принц де Монпансье не допустил этого: он сказал, что ручается за графа, и, отправляясь с молодой женой в Шампиньи, увез с собой и его. Граф, человек очень умный и мягкий, быстро завоевал уважение принцессы, и вскоре она прониклась к нему такими же дружескими чувствами, как и ее муж. Граф де Шабан, со своей стороны, восхищенный красотой, умом и благонравием принцессы, воспользовался ее расположением и исподволь развил и укрепил в ней пристрастие к высочайшей добродетели, достойной ее благородного происхождения. За короткое время он превратил молодую особу в само совершенство.

Принц вернулся ко двору, куда призывал его воинский долг, и граф остался один с принцессой, продолжая питать к ней почтение и дружбу, коих заслуживали ее достоинства и положение. Их взаимное доверие

выросло до такой степени, что принцесса поведала ему о своей детской привязанности к герцогу де Гизу. Любовь эта в ней почти угасла, объяснила она, и теплится в сердце ровно настолько, чтобы сделать его недоступным ни для кого другого; поэтому теперь, когда она к тому же имеет столь твердые понятия о долге, любо-го, кто осмелится заговорить с ней о нежных чувствах, ожидает с ее стороны лишь презрение. Зная искренность принцессы и понимая, сколь чуждо ей легкомыслие в сердечных делах, граф не усомнился в истинности ее слов, однако это не помогло ему устоять перед ее очарованием, действие которого он испытывал изо дня в день. Потеряв голову, он, как ни мучил его стыд, не смог совладать с собой и поневоле полюбил ее самой искренней и пылкой любовью. Он перестал быть хозяином своему сердцу, но продолжал оставаться хозяином своим поступкам. Перемена в его душе не привела к перемене в поведении, и очень долго никто не подозревал о его любви. Целый год он старательно таил ее от принцессы, свято веря, что никогда и не захочет открыться. Однако любовь сделала с ним то же, что и со всеми, — внушила ему желание говорить, и после долгой борьбы, которая обычно происходит в таких случаях, он осмелился сказать принцессе, что любит ее, приготовившись выдержать бурю, неизбежную, как ему казалось, со стороны его гордой возлюбленной. Но признание было встречено со спокойствием и холодностью, в тысячу раз худшими, чем любые взрывы негодования, коих он ожидал. Она не удостоила его гневом, лишь кратко указала на разницу в их положении и возрасте, напомнила о своих моральных правилах, известных ему лучше, чем кому бы то ни было, о своей былой склонности к герцогу де Гизу и, главное, обо всем, к чему обязывала его дружба и доверие принца. Граф думал, что умрет у ее ног от стыда

и горя. Она попыталась его утешить, пообещав навеки забыть о том, что услышала, не думать о нем дурно и по-прежнему видеть в нем лишь лучшего друга. Можно себе представить, как эти заверения утешили графа. Он в полной мере ощутил таившееся в словах принцессы презрение, а на завтра, увидев ее такой же приветливой, как обычно, понял, что его присутствие нисколько не смущает ее и не заставляет краснеть, и опечалился еще больше. Поведение принцессы в последующие дни нисколько его не ободрило. Она была к нему все так же добра и благосклонна. Однажды, когда возник повод, принцесса снова заговорила с ним о своих чувствах к герцогу де Гизу: уже пошла молва о высоких достоинствах герцога, и она призналась графу, что это ее радует и ей приятно убедиться, что он заслуживает той любви, которую она некогда к нему испытывала. Все эти знаки доверия, еще недавно столь графу дорогие, стали теперь невыносимы. Однако он не решался это показать, хотя и осмеливался изредка напомнить принцессе о том, что однажды имел дерзость ей открыть.

Наконец был заключен мир, и после двухлетнего отсутствия вернулся принц де Монпансье, покрыв себя славой во время осады Парижа и в битве при Сен-Дени. Он был поражен безупречной красотой принцессы, достигшей своего расцвета, и, движимый свойственной ему ревностью, слегка огорчился, предвидя, что не он один сочтет ее красавицей. Он был очень рад снова встретиться с графом де Шабаном, к которому питал все те же дружеские чувства, и не преминул потихоньку расспросить его о характере и умонастроении жены, остававшейся для него почти незнакомкой, ибо они успели прожить вместе совсем недолго. Граф совершенно чистосердечно, как если бы и не был влюблен, описал все ее достоинства, способные вызвать любовь

принца, а также объяснил госпоже де Монпансье, как ей надлежит себя вести, дабы окончательно завоевать сердце и уважение мужа. Любовь заставляла графа невольно заботиться лишь о счастье и доброй славе принцессы, он и не помышлял о том, сколь невыгоден для влюбленного чересчур счастливый брак его избранницы. Мир оказался призрачным. Война вскоре возобновилась из-за намерения короля арестовать укрывшихся в Нуайе принца де Конде и адмирала Шатильона. Когда об этом плане стало известно, опять начались приготовления к войне, и принц де Монпансье принужден был вновь покинуть жену и отправиться туда, куда призывал его долг. Граф де Шабан последовал за ним ко двору, полностью оправдавшись перед королевой-матерью, у которой больше не осталось никаких сомнений в его преданности. Ему было крайне тяжело расставаться с принцессой, ее же более всего тревожили опасности, подстерегавшие мужа на войне. Вожди гугенотов засели в Ла-Рошели, на их стороне были Пуату и Сентонж, война вспыхнула там с новой силой, и король стянул туда все свои войска. Его брат, герцог Анжуйский, будущий король Генрих III, прославился там множеством подвигов, особенно в битве при Жарнаке, где был убит принц де Конде. В этой войне герцог де Гиз выдвинулся на весьма высокие посты, и постепенно стало ясно, что он превзошел все надежды, дотоле на него возлагавшиеся. Принц де Монпансье, ненавидя его и как личного врага, и как врага своего рода, не мог без досады видеть славу Гиза и то дружеское расположение, которое проявлял к нему герцог Анжуйский. Когда обе армии истощили свои силы в бесконечных стычках, войска по обоюдному согласию были на время распущены, а герцог Анжуйский задержался в Лоше, чтобы сделать распоряжения во всех близлежащих пунктах,

каким могло грозить нападение. Герцог де Гиз остался вместе с ним, а принц де Монпансье с графом де Шабаном отправились в замок Шампиньи, находившийся неподалеку. Герцог Анжуйский часто объезжал города, где по его приказу возводились оборонительные сооружения. Однажды, когда он со своей свитой возвращался в Лош по плохо известной ему местности, герцог де Гиз, похвалившись, будто знает дорогу, взялся вести отряд, но через некоторое время сбился с пути, и они очутились на берегу незнакомой реки. Все, разумеется, обрушились на Гиза, оказавшегося таким плохим проводником, но тут оба герцога, всегда готовые повеселиться, как все молодые принцы, заметили посреди реки небольшую лодку, и, поскольку речка была неширокой, они без труда разглядели в лодке трех или четырех женщин, одна из которых, великолепно одетая, предстала перед их взорами во всем блеске своей красоты: она внимательно смотрела, как двое мужчин подле нее ловят рыбу. Эта картина привела обоих герцогов и их свиту в игривое настроение. Все сошлись на том, что это настоящее приключение из романа. Одни говорили герцогу де Гизу, что он нарочно завел их сюда ради этой красотки, другие — что встреча с ней послана ему свыше и он теперь должен полюбить ее; герцог же Анжуйский утверждал, будто влюбиться суждено ему. Наконец, решив насладиться приключением сполна, герцоги велели своим всадникам войти как можно глубже в реку и крикнуть даме, что его высочество герцог Анжуйский желает переправиться на другой берег и просит перевезти его на лодке. Дама, которая была не кто иная, как госпожа де Монпансье, услышав имя герцога Анжуйского и поняв по обилию людей, столпившихся на берегу, что это и в самом деле он, велела направить лодку к нему. По облику она быстро отличила его от остальных, хотя прежде никогда не видела

вблизи, но еще раньше заметила герцога де Гиза. При виде его она покраснела от волнения и предстала перед ними столь прекрасной, что красота ее показалась им почти неземной. Герцог де Гиз тоже узнал ее издали, несмотря на все перемены к лучшему, произошедшие в ней за те три года, что они не виделись. Он сообщил герцогу Анжуйскому, кто она, и тот поначалу смутился за свою вольность, но, увидев, как принцесса хороша собою, и упиваясь приключением все больше и больше, решил довести дело до конца. После тысячи извинений и комплиментов он сказал, что непременно должен попасть на другой берег, и тут же получил от нее предложение воспользоваться лодкой. С собою он взял только герцога де Гиза, а остальным приказал переправиться через реку в другом месте и ждать их в Шампиньи, находившемся, как сказала принцесса, всего в двух лье от переправы.

Едва войдя в лодку, герцог Анжуйский спросил принцессу, чему они обязаны столь приятной встречей и что она делает на реке. Принцесса отвечала, что выехала вместе с мужем на охоту, но утомилась, вышла на берег отдохнуть и, увидев рыбаков, которым попался в сети лосось, попросила взять ее в лодку, чтобы посмотреть, как его будут вытаскивать. Герцог де Гиз не вмешивался в разговор; он стоял, охваченный вновь вспыхнувшими чувствами к принцессе, и думал, что и сам может оказаться в ее сетях, словно лосось в неводе рыбаков. Вскоре они добрались до берега, где их ждали лошади и стремянные госпожи де Монпансье. Герцог Анжуйский помог ей сесть в седло, где она держалась с восхитительной грацией, и, взяв запасных лошадей, которых подвели пажи принцессы, герцоги поскакали вслед за ней в Шампиньи. Не меньше, чем красота, поразила их тонкость ее ума, и они не могли удержаться, чтобы не высказать ей свое восхищение.

На похвалы она отвечала со всей мыслимой скромностью, но герцогу де Гизу чуть холоднее, чем герцогу Анжуйскому, желая сохранить неприступность, дабы он не связывал ни малейших надежд с ее бывлой слабостью к нему. Подъехав к первому двору Шампиньи, они обнаружили там принца де Монпансье, только что вернувшегося с охоты. При виде своей супруги в окружении двух мужчин он был весьма удивлен, но удивление его возросло до крайности, когда, подойдя ближе, он узнал герцога Анжуйского и герцога де Гиза. Будучи ревнив от природы и издавна питая ненависть к Гизу, он не смог скрыть досады при виде герцогов, неизвестно как и зачем оказавшихся у него в замке. Он объяснил свое огорчение тем, что не может принять их так, как ему хотелось бы и как того заслуживает высокое положение герцога Анжуйского. Граф де Шабан был опечален еще больше, чем принц, увидев Гиза рядом с принцессой. В их случайной встрече он усмотрел дурное предзнаменование, понимая, что столь романтическое начало вряд ли останется без продолжения. Принцесса де Монпансье оказала герцогам радушный прием, исполняя роль хозяйки дома так же изящно, как и все, что она делала. В конце концов она окончательно пленила своих гостей. Герцог Анжуйский, красавец и большой любитель женщин, не мог не загореться, встретив столь достойный объект для ухаживания. Его сразил тот же недуг, что и герцога де Гиза, и под предлогом важных дел он прожил в Шампиньи два дня, хотя не имел никаких причин там задерживаться, кроме чар госпожи де Монпансье, притом что принц вовсе не настаивал на том, чтобы он погостил подольше. Прощаясь, герцог де Гиз не преминул дать понять принцессе, что его чувства к ней остались прежними: поскольку о его любви к ней не знал ни один человек, он несколько раз сказал ей при всех, не